— И вот ведь интересно: город, вроде, небольшой, да и сама область не из таких уже гигантских,—это не Хабаровский край, где двенадцать европейских государств могли бы разместиться,—а все куда ни попадешь—непременно земляка встретишь.—Не курский ли, случаем? — Курский!—Браток, да что ж ты раньше молчал?.. Ну и пойдет, — вспоминаешь, имена перебирать начнешь: такого-то или такую-то, мол, не знавал? — Нет. И ладно. Встретились вот с тобой, и то хорошо, и то радостно. В точности, как сейчас мы с вами...

Сержант Воробьев затянулся папиросой, глухо закашлялся.

— Под Кенигсбергом меня контузило, с тех пор кашель проклятый бьет,—виновато почему-то улыбнувшись об'яснил он. Минуты две мы помолчали, потом сержант задумчиво произнес:

— Вот где встретиться пришлось...

А встретились мы в Порт-Артуре осенью прошлого года.

...Никогда не забудется августовская туманная ночь. Только что прошел дождик, земля была мягкой и теплой. Неприметные среди тумана, в воздухе над Владивостоком покачивались на тросах аэростаты заграждения. Где-то вдали, за Амурским заливом, над мысом Песчаным, над Русским островом рокотали самолеты.

В эту ночь началась война с Японией. Под утро стало известно: первые эскадрильи успешно бомбили японские корабли, стоявшие в корейских портах Юки, Росин, Сейсин...

События начали развиваться стремительно. Поблизости части Красной Армии сбивали железный заслон бешено сопротивлявшихся японцев, и уже пошло, пошло вперед наше движение—неудержимое, гневное. Танковые части форсировали Большой Хинган (японские генералы до сих пор с трудом верят,—как это могло быть, это же чудо военного искусства!), за ними, цепляясь за каждый скалистый выступ, упрямо шла пехота.

Облако густой желтой пыли не оседало над маньчжурскими дорогами: двигалась наша артиллерия.

В Сейсине морские пехотинцы генерала Трушина и майора Бараболько завязали отчаянный бой с значительно превосходящими силами японцев — «комикадзе» (смертники). Курсанты офицерской школы, натренированные в Китае японские солдаты не хотели без боя отходить ни на пядь. Их сопротивление было сломлено.

На Курильских островах японцы ввели в действие танки. Когда становилось особенно трудно, наши бойцы, обвязавшись поясами с гранатами, бросались под танки.

И вот—торога на Артур. Первыми в нем высадились авиадесантники. Майор Белодет распахнул дубовую дверь кабинета вице-адмирала Кабояси. Японский комендант базы понял, что сопротивление бесполезно...

В одном из пустых офицерских домов Порт-Артура нам попался на глаза старинный гобелен с вышитой шелком цепью иероглифов. Иероглифы, оказывается, означали одну из «ста тысяч мудростей» японцев:

— «Рано или поздно все становится на свое место».

Да, все стало на свое место: русские снова в Порт-Артуре.

Сержант Павел Воробьев прибыл в Артур вместе со своей батареей. Она отстаивала Калинин и штурмовала Кенигсберг. В Порт-Артуре батарея была установлена на историческом месте: на Электрическом утесе. 26 октября батарея дала первый учебный залп. Так начались будни.

На горе Перепелиной, что возвышается над всем Порт-Артуром, много лет назад японцы воздвигли высокую башню—в знак «незыблемости победы над русскими». Когда мы поднялись по бесконечной винтовой лестнице, на стене среди десятков других надписей мы увидели одну, бросившуюся нам в глаза:

«Федор Бочаров и Иван Красильников из Курска».

Это—один из исторических автографов!

Действительно, где же только не встретишь своих земляков, куряп!

Год назад в одном из центральных журналов была напечатана повесть офицера-тихоокеанца Леонида Зайцева — «Как это было». Повесть обратила на себя внимание. Ее написал курянин, точнее —белгородец.

Майору Онищенко вручали боевой орден. В перерыве, после торжественной части, генерал, вручавший награды, полюбопытствовал:

— Вы, майор, откуда родом?

— Курский, товарищ генерал.

— Вот как? Оказывается—земляки!

В ноябре 1941 года Тихоокеанский флот провожал на запад на фронт первую партию своих посланцев. С ними уезжали и куряне—Ведерников, Овечкин,—люди, прослужившие на кораблях флота по шесть—семь лет. Вскоре от них пришли первые вести: погнали немцев от Москвы.

Четыре года спустя старшина тихоокеанец Доброидзе на прусской границе подал своим артиллеристам команду:

— Залп!

Рядом со старшиной стоял Ведерников,—он донес свою ненависть до самого логова врага.

И вот сейчас, где бы ни пришлось встретить земляка, всегда как-то вдруг теплеет на душе, светлые воспоминания юности встают в памяти. Великая это сила—землячество! Сколько хороших, искренних слов хочется сказать о городе, вырастившем тебя.

В Дайрене, на одной из центральных улиц меня окликнули по-русски:

— Товарищ лейтенант, вас можно на минуточку?

— Земляк!

Да, это был земляк. Правда, не из Курска,—из Советского Союза. Но ведь это — тоже землячество, великое землячество!

Г. ХАЛИЛЕЦКИЙ.

Порт-Артур.

Демобилизовавшись из Красной армии, А. Г. Гладилин сразу начал работу в родной артели имени газеты «Курская правда». Бесединского района. Сейчас он работает кузнецом, деятельно готовится к уборке урожая.

На снимке: тов. Гладилин за ремонтом жатки.

Фото М. Шеховцова.

Самоотверженно трудиться в поле — спасти урожай!

Мы готовим будущее родного колхоза...

СЕМЕНА НА НАШЕМ УЧАСТКЕ РАСТУТ ДОБРОТНЫЕ

Мое семеноводческое звено обязалось в нынешнем году вырастить по 12 центнеров зерновых с гектара. Еще ранней весной всю рожь мы подкормили навозом-сыпцом и золой, провели боронование в два следа.

На этом наша работа по выращиванию высокого урожая не окончилась. Мы сразу установили наблюдение за состоянием посевов. Как только появились сорняки, немедленно приступили к их уничтожению. Сорняки вырывали с корнями. Рожь совершенно чистая — нет ни одного сорняка. Посевы, несмотря на засушливое лето, хорошо развиваются. Этому способствует тщательный уход за ними.

Кроме этих зерновых культур посеяли мы гречиху и картофель. Развиваются они также хорошо.

Нашему успеху способствует правильная организация труда в звене, индивидуальная сдельщина. Соревнуясь между собой, колхозницы с каждым днем повышают производительность труда. Многие из них — О. К. Рощупкина, Е. Я. Котенева заработали уже по 100 трудодней, а у меня — 160.

Взятое на себя обязательство вырастить высокий урожай мы непременно выполним.

Мария АРНАУТОВА,
звеньевая ефремовского звена колхоза «День урожая», Старооскольского района.

История повторяется...

В Коренево не готовят зерносушилки и крытые тока

Прошлой осенью немало горьких дней и ночей пришлось пережить руководителям колхозов Обуховского сельсовета: стояла на редкость дождливая погода, а сушить зерно было негде; было потеряно и попорчено немало хлеба. И все это потому, что ни в одном из колхозов не было крытых токов и зерносушилок.

К сожалению, руководители обуховских колхозов не учли ошибок прошлого года. О крытых токах и зерносушилках в Обуховке и сейчас не думают.

Значение крытых токов и зерносушилок недооценивается и в колхозах других сельских советов. Колхозы: «Ленинский призыв», «Красноармеец», «2-я пятилетка», «Красный партизан», Толпинского сельсовета в прошлом году возили хлеб на заготовительные пункты до января. Добрая половина урожая погибла в поле. Председатель исполкома сельсовета т. Шамин, председатели артелей т.т. Попов, Галушкин, Семикин, Новгородских почти каждый день вызывались в райком партии и райисполком с об'яснениями причин затяжки в обмолоте и хлебосдаче. Они тогда в один голос твердили:

— Ну, что поделаешь? Каждый день дожди, а молотить и сушить зерно негде. Вот если бы у нас крытые тока были, навесы, сушилки...

К сожалению, печальный урок прошлого года ничему не научил руководителей и этих колхозов. Палец о палец не ударили в Толпино, чтобы начать строительство крытых токов и сушилок.

— В каких колхозах имеются сушилки и крытые тока?—спрашиваем заведующего райземотделом т. Осьмякова.

— Да, кое-где есть. В Александровке и в колхозе «13 лет Октября». Кажется и все. Крытых токов только два—в артелях «Бесклассовое общество» и им. Жданова

— Как идет подготовка сушилок и токов?

— Пока этим не занимались. Плана от облземотдела не получали.

Тракторная, краснознаменная

В первый день работы бригадир тракторной бригады Иван Здоровцов сам сел за руль трактора. За смену на тракторе «СТЗ-НАТИ» он выполнил норму на 125 процентов. На втором тракторе «У-2» молодой тракторист Павел Дворниченко добился выполнения нормы.

Тогда было важно с первых дней взять разбег, добиться выполнения сменных норм, вселить уверенность в трактористов. Это было еще необходимо и потому, что два тракториста Иван и Николай Артеменко только впервые сели за трактор, а Дворниченко и Дмитрий Артеменко работали по одному году. Это была молодежь, за которой, не меньше чем за тракторами, надо было следить, которых надо было направлять, учить.

И вот теперь глядишь на возмужавшие, загорелые лица трактористов и видишь как они пришлись подстать уже седеющему бригадиру, который за четыре года войны дошел до Берлина.

С момента выезда в поле и до настоящего времени бригада не знала аварий или крупных поломок. Ни разу не вызывался сюда механик или передвижная автомастерская. Мелкие неисправности устраняются на месте. Необходимый инструмент имеется.

Об инструменте следует рассказать. В конце 1945 г. демобилизованного Ивана Здоровцова встречали на станции. Родные и близкие бросились помочь солдату, но никто из собравшихся не мог поднять единственного чемодана.

— Когда еще воевал я, то думал о работе. Вот и собрал кое-какой рабочий инструмент. В этом чемодане и есть все необходимые для работы,—сказал Здоровцев встречавшим его.

Теперь инструмент очень выручает.

При средней выработке по МТС 190 гектаров бригада Здоровцова сделала уже более 300 гектаров мягкой пахоты и сэкономила 220 килограммов горючего. С весны отряду было присуждено переходящее Красное знамя. Его бригада держит и по сей день. В поле оно развивается над шалашом бригады. А тракторы днем и ночью прокладывают все новые и новые борозды...

Г. АРСЕНОВ.
Ситнянская МТС, Краснояружского района.

По следам наших выступлений

„Санаторий Москва может стать одним из лучших в стране“

По опубликованной корреспонденции «Санаторий Москва может стать одним из лучших в стране» (см. «Курскую правду» № 80) начальник управления Курского Межобластного управления курортами, санаториями и домами отдыха ВЦСПС т. Калмыченко сообщил редакции, что на строительство электростанции, водопровода и лечебных кабин выделено 100 тысяч рублей и занаряжены —один вагон кровельного железа, вагон цемента и другие стройматериалы.

ФЕЛЬЕТОН

ДА *или* НЕТ?

Читатель, вспомните милое детство.

«Черно, бело не берите,
Да и нет не говорите...»

Не правда ли хорошая игра? Вполне педагогическая. Нельзя сказать «да», нельзя сказать «нет»—надо придумать что-нибудь другое. Малыши морщат лбы, гадают, их ум работает, мышление развивается. Все чудесно.

Но игра эта для детей. Уточним: для детей младшего возраста, от 5 до 8, не старше.

А берутся играть взрослые. В разных учреждениях Курска стоят 5 канцелярских столов. За столами абсолютно совершеннолетние индивидуумы с двадцатилетним профстажем. Они не видят друг друга—километры разделяют их. Но они играют, и притом дружно.

Вопросы задает представитель фабкома кондитерской фабрики. Она говорит заведующей сектором облторготдела Висневской:

— Мы решили устроить детей в лагерь. Договорились с профсоюзом сахарников. Они берут наших ребят в лагерь сахарного завода «Коллективист». Дело за пустяком, за пустой формальностью: перечислить отпущенные нашим детям пайки в тот лагерь, где они будут отдыхать.

Что может ответить Висневская. Только одно: «Да, я сейчас это сделаю».

Но... «Черно, бело не берите, да и нет не говорите»...

И Висневская отвечает:

— Обратитесь к тов. Балалаеву, пусть он решит...

Заместитель председателя горисполкома т. Балалаев может ответить только одно: «Да, сию минуту сделаю».

Но... «Да и нет не говорите»... И Балалаев отвечает:

— Обратитесь к тов. Меренкову, пусть он решит...

Тов. Меренкова нет, но игра продолжается. Отвечает его помощник тов. Зайончковский.

— Пайки перечислить — дело нехитрое, но пусть решит тов. Шабанов...

Секретарь облисполкома тов. Шабанов может прервать игру и сказать:

— Безобразие! Какая волокита из-за пустяка! Да, я сейчас распоряжусь и накажу бюрократов.

Но как приятна игра в фанты... «Черно, бело не берите»... И зачем в самом деле брать «черно» или «бело», когда можно сказать совершенно безобидное:

— Идите к Резухину.

Ни да, ни нет не оглашают кабинета тов. Резухина.

— К Висневской,—молвил он, улыбнувшись.

Игра подходит к концу. Может быть во второй раз Висневская все же обмолвится и произнесет долгожданное «да»? Послушаем ее:

— Мне говорить больше не о чем. О пайках я уже сказала. Пять дней назад. Обратитесь к Балалаеву...

Браво, товарищи, Висневская, Балалаев и Резухин! Как здорово вы сыграли! Ни одной обмолвки! Каждый из вас мог решить этот пустячный вопрос о пайках. Но вы перебросились им, как резиновым мячиком. Не решили и не отказали. И ни одного лишнего миллиграмма ответственности вы не взвалили на свои обремененные службой плечи.

Но стоит ли кричать браво? Вернемся к детям. Что они, дети кондитеров, как они себя чувствуют? Они с грустью во взоре следят за разыгравшимися дядями и тетями. И ждут. А вдруг кто-нибудь из них обмолвится, и тогда ребятам можно будет отправиться в лагерь—к солнцу, воздуху и воде, которые, как заявляет тов. Балалаев, «благотворно действуют на детское здоровье».

Нет, мы не будем кричать вам браво, товарищи. Опасную вы затеяли игру. Поверьте, вовсе не смешно, а страшно увидеть за столом советского учреждения игрока в фанты. К нему идут люди. Ему задают десятки вопросов. Что он? Удовлетворяет просьбы? Нет. Отказывает? Тоже нет. Зачем быть определенным, когда есть столько обходных путей, столько обтекаемых ответов—заменителей слов «да» и «нет». Одному можно сказать: «Пойдите к Ивану Ивановичу», другому «Я согласую с товарищем М...», третьему «Я подумаю, зайдите в субботу», четвертому «мы обсудим», пятому «уточним, обследуем», шестому «мы рассмотрим».

О, конечно, он и не думает обследовать, уточнять или рассматривать. Заходите к нему в субботу, пятницу, среду и вы всегда услышите в разных вариантах: «уточняем, выясняем, продумываем».

В Курск, демобилизовавшись из армии, вернулась семья медицинских работников и увидела: квартира, в которой они жили до войны, разбита. Они знали—в городе трудно с жильем, но решили попытать счастья. Им не повезло, товарищи! Они попали к игрокам в фанты. Нет, конечно, ни товарищ Балалаев, ни начальник жилуправления Бобырев, ни председатели райсоветов Шубин и Бойченко не сказали им «нет». Но никто не сказал и «да». Четыре комиссии было направлено этими товарищами, четыре акта родилось на белый свет. Десятки обтекаемых слов было произнесены за четыре месяца. Есть даже одно постановление райсовета.

Но дело не двигается, а его надо решать: это наверное единственный случай в городе—семья живет под открытым небом, под звездами. И тов. Белицкий, глава семьи, демобилизованный офицер, орденоносец, просит:

— Если нельзя дать квартиру, отпустите меня из Курска, я больше не могу...

Ему отвечают:

— Отпустить вас нельзя. Вы незаменимый специалист-рентгенолог. Аппарат, на котором вы работаете в поликлинике № 2, обслуживает весь Курск и половину области. Как мы без вас останемся?

Тогда Белицкий приходит к председателю Дзержинского райсовета тов. Бойченко и в который раз просит:

— Перед вами акты разных комиссий. Все обследовано, все ясно. Решайте: да или нет.

Но тов. Бойченко человек опытный. Обходные пути ему ведомы. Он пишет на заявлении Белицкого, к которому пришито уже три акта:

— Обследовать!

Что обследовать? Зачем? Кому нужен очередной акт?

Никому он не нужен, и самому Бойченко он тоже ни к чему. Но ведь «черно, бело не берите». Зачем брать на себя лишние хлопоты, говоря «да», зачем возбуждать лишние неприятности, отвечая «нет», когда есть такое удобное словцо «обследовать»...

Мы идем по улице и взвращиваем, услышав детский голосок.

«Черно, бело не берите, да и нет не говорите».

Нет, не пугайтесь, милые дети, мы не о вас. Вы резвитесь и развивайте свое мышление, — это полезно. Но взрослым игрокам в фанты хочется крикнуть гремящим басом:

— Бросьте, граждане! Довольно! Да или нет? — только так стоит перед вами вопрос!

Г. РАДЕВ.

ОБОЯНСКИЕ ГОЛОВОТЯПЫ

В колхоз «Красный пахарь» пришла бумажка из Обояни:

«Звеньевой-ефремовке Наташе Рудневой.

Исполком райсовета депутатов трудящихся просит Вас прибыть в исполком райсовета 12 июня к 10—11 часам утра к заведующей общим отделом Красюковой, имея при себе 25 рублей денег.

Заместитель председателя исполкома райсовета Афанасьев. Главный бухгалтер райфо Ширшов».

Вызов в райисполком для Рудневой оказался неожиданным. «В чем дело?—подумала она. — Ведь недавно была в Обояни и как всегда заходила и в райком и райисполком... И вот теперь опять вызывают... Зачем?».

И тем более задумалась над этим звеньевая, что дел у нее в это время было особенно много. Страдная пора—уход за посевами. Можно ли сейчас дни на прогулки терять?

Но как ни жаль было оставлять звено — пришлось итти в Обоянь: «Зря ведь не вызовут. Раз приглашают в такое время, значит по делу...».

И вот, захватив, как было указано в письме, 25 рублей, Наташа Руднева точно в 10 часов утра 12 июня прибыла в райисполком к заведующей общим отделом тов. Красюковой. Ее не задержали. Красюкова любезно подала ей ведомость: «Список для уплаты денег за обед в честь награжденных 8 декабря 1945 года».

— Были на этом обеде? Кушали? Ну, вот платите...

Уплатив деньги, звеньевая спросила:

— А почему вы, не написали зачем вызываете. Ведь деньги-то можно и почтой послать... Зачем от работы меня оторвали?

— Почтой вы бы не выслали,— заметила Красюкова. — Да, впрочем, что я с вами говорю — ведь это тов. Афанасьев распорядился.

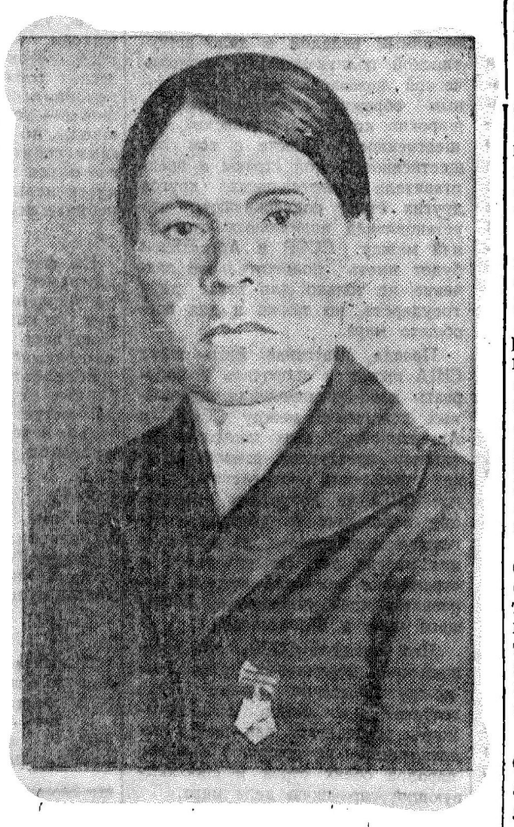
С обидой вышла Руднева из райисполкома. Но у входа она встретилась с другими ефремовками: Александрой Луневой, Анной Савеиковой, с председателем колхоза «12 Октябрь» Коневым. 29 передовиков сельского хозяйства вызвал райисполком, чтоб взыскать с них деньги за свое гостеприимство...

Что сказать в заключение, товарищи?

Каким словом назвать организаторов этого неслыханного происшествия в Обояни. Чиновники? Бездушные люди? Бюрократы? Нет, все это не то. Надо совершенно лишиться чувства уважения к людям, стать хамом, чтобы так издеваться над передовиками колхозов, заслужившими своим трудом почет и уважение всей области.

Н. НАТАЛЬИН.

МАТЬ



Почти каждый день в деревнях вспыхивали пожары. Багровые космы огня перебрасывались с одной соломенной крыши на другую. А когда сгоревшие стропила падали в бушующее пламя, в небо взлетали яркие оранжевые искры.

Так было в первые месяцы войны. Каждый новый день приносил новые страдания. Люди уже перестали обрывать листки календаря: когда над головой рушится горящая крыша — не все ли равно в какой день это происходит — в пятницу или в субботу.

Но самое страшное для колхоза «Роза», что находится в Успенском сельсовете, Беловского района, наступило позже. Было свежее августовское утро. Колхозница Мария Назаровна Заремба успела уже «от пог отстать», как любила она говорить с хитрой улыбкой. Она и корову отогнала и печь истопила и воды наносила.

— Сейчас подыму сынов,—подумала она.—Нынче председатель колхоза обещал картошку раздавать—только вот огурцов к завтраку с огорода принесу.

Мария Назаровна любила ходить за ними одна, чтобы лишний раз подышать воздухом, напоенным пахучей мятой и душистым укропом. Теперь, когда с запада надвигались грозные тучи войны, она как-то особенно нежно любила свой сад, огород, свой колхоз. Вот и сейчас, войдя в огород, она окинула его жадным, почти материнским взглядом. На душе ее было тревожно.

С крайних грядок прямо к небу поднимались зеленые жирные стрелы лука. На средних—рдели на солнце глянцевитые помидоры. Когда проворные руки хозяйки развернули мокрые от росы шершавые листья огурцов, все снова вдруг стало привычным и простым. Большие свежие огурцы ложились в фартук и тревога уходила. Но стоило только Марии Назаровне поднять голову и взглянуть вокруг, как сердце снова сжимали огромные клещи тоски и мрачных предчувствий.

Когда уходит от нас лето и стоят в ряд золотые деньки, все один в один, все же есть из них такой, в котором мелькнет вдруг вся печаль подходящей осени, и ты почувствуешь ее в слишком яркой голубизне неба, в тонкой нити паутины, что запуталась в гроздьях рябины.

Есть такие дни и в человеческой жизни. Не его ли, не этот ли мрачный день давно уже чуяла своим простым сердцем эта русская женщина? Сынов в это утро ей будить не пришлось, потому что...

...Медный колокол во дворе правления колхоза исступленно бил набат. От больших амбаров бежали люди, а над ними очень низко повисли немецкие стервятники, осыпая бегущих свинцом пулеметного огня. С самолетов летели бомбы, вздымая столбы земли, возле церкви полыхал пожар... И над всем этим стоял густой нечеловеческий стон. От этого страшного стона до сих пор иногда в холодном поту просыпается Мария Назаровна. Что было дальше—она помнит смутно. Сын Саша запрягал лошадь. Она видела перед собой огромные дроги, на которые усаживала детей своих и чужих, маленьких и совсем крошечных.

«Едем к Дону, шептала она им, не ревите!»

* * *

Опять встал над колхозом хороший летний день. Опять, как пять лет тому назад, в домике Зарембы первой проснулась хозяйка, едва только откричали третий раз петухи, и опять вышла она на свой огород, обсаженный веселыми ракитами. Только многое изменилось с тех пор. Старший сын Николай, что гнал тогда колхозных овец к Дону, сейчас в Красной Армии, имеет 5 наград. Награжден медалью «За трудовую доблесть» муж Марии Назаровны—Петр Егорович, а сама она еще очень бодрая приветливая женщина получила этой весной орден «Мать-героиня». Теперь у нее уже 10 детей.

С раннего утра и до позднего вечера хлопочет мать... Ведь всему этому надо, как говорят, «лад дать».

— Не хочу и в колхозе быть на последнем месте, не хочу быть и на втором, хочу стоят на первом, чтобы оправдать честь высокую. Большую награду и почет получила я от товарища Сталина, от правительства своего, так вот на это надо не словами ответить, а делом,—говорит героиня-мать.

* * *

На лужайке перед опрятным домиком Марии Назаровны играют в камушки три девочки.

— Что за чудо?—скажите вы, подходя к ним. Все три, как капли воды, похожи одна на другую. Все — одинаково белокуры, все розовы и светлоглазы. Это самые младшие дети Марии Назаровны, близнецы—Катя, Аня и Лида. Если вы спросите у Кати, сколько ей лет, она бойко ответит:

— Нам по четвертому годочку.

«Вот эта у меня самая младшая из них, она родилась последней», улыбается счастливая и богатая мать, поглаживая русую головку Лиды. «Это у меня самая шустрая, мы с отцом ее зовем «пионеркой». Последние дети и забава, и отрада моя, и весь мой отдых», говорит поистине неутомимая женщина. У нас привольно, и колхоз у нас «Роза», и они у меня, словно розочки цветут».

Да у них в самом деле привольно. Шумят на огороде веселые ивы: они стали еще пышнее. Бьют студеные ключи, что дают чистую воду речке Ржавец, и живет неиссякаемая сила, питающая крепкий дух таких русских людей, как мать-героиня Мария Назаровна Заремба.

Л. ШЕЛЕСТ.

ПРИМЕР КОМСОМОЛЬЦЕВ

Комсомольцы вагоно-ремонтного пункта станции Касторная—Новая в нерабочее время отремонтировали вагон и обязались сверх плана отремонтировать еще один. Так касторенские комсомольцы отвечают на обращение северо-донецких железнодорожников.